
Эдвард Эриксон-мл.
США

«НИЧЕГО НЕТ ВЫШЕ ЛЮБВИ»:
РЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
«ОКТАБРЯ ШЕСТНАДЦАТОГО»¹

*Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост.
Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 223–232*

«Октябрь Шестнадцатого» повествует о судьбах многих исторических деятелей, которые принимали активное участие в эпохальных преобразованиях, происходивших в одной из крупнейших стран в мире. Почему же тогда его последняя глава содержит историю незначительного и к тому же вымышленного персонажа? Речь идёт о двадцатидвухлетней Зинаиде Алтанской, или просто Зине. Она появляется только в трёх из семидесяти пяти глав романа. Книга завершается описанием её исповеди, в которой она раскаивается в своей неудавшейся попытке обрести любовь, приведшей ужасным образом к смерти её собственного маленького ребёнка. Хорошие романисты не тратят риторическую мощь финального аккорда зря, так что вопрос, почему Солженицын отвёл главу 75 целиком и полностью Зине, — это вопрос отнюдь не праздный.

Из четырёх частей, или Узлов, эпического шедевра Солженицына «Красное Колесо» «Октябрь Шестнадцатого» вполне может показаться читателю наименее запоминающимся. Описываемые в нём события не преисполнены захватывающего волнения и силы, как «Август Четырнадцатого» со знаменитым описанием битвы при Танненберге, «Март Семнадцатого» с завораживающим изображением бурления бушующих улиц или «Апрель Семнадцатого» с его картиной воплотившейся в реальность революции. На их фоне «Октябрь Шестнадцатого» исполнен не столько действия, сколько настроения. Что-то мрачное сгущается за горизонтом, и никто не знает, что, собственно, надвигается и как приход этого чего-то предотвратить. В данном прозаическом произведении с драматическим размахом оказались развёрнуты строки ирландского поэта Уильяма Батлера Йитса из его «Второго пришествия», написанные о том же самом историческом периоде: «У добрых сила правоты иссякла, / А злые будто бы остервенились»². Замедление действия даёт пространство для более глубокого размышления о том, каким образом Россия оказалась в этом историческом тупике и каким образом из него ещё можно было выбраться. Для Солженицына этот выход нерасторжимо связан с темами любви и раскаяния, которыми пронизана история Зины.

В своём подходе к этому тексту я исхожу из того, что «Октябрь Шестнадцатого» представляет собой произведение особой литературной значимости,

которое к тому же занимает важнейшее место в структуре более объёмной эпопеи. Моя статья призвана показать, что на примере этого Узла лучше всего можно продемонстрировать религиозную составляющую «Красного Колеса», автор которого стремится утвердить ключевую роль христианства в возрождении России. Эту идею я постараюсь подкрепить конкретным разбором лирического финала, который проливает яркий свет на глубинный смысл произведения в целом.

История Зины ненавязчиво заставляет нас вспомнить, что представление о достойном моральном поведении нерасторжимо связано с любовью и раскаянием. Солженицына постоянно занимают этические параллели, объединяющие действия отдельных личностей и целых народов. На самом деле, как он полагает, «по нашей человеческой природе мы естественно судим так: обычные индивидуальные человеческие оценки и мерки применяем к более крупным общественным явлениям и ассоциациям людей — вплоть до целой нации и государства». Это сопоставление микро- и макрокосма он обозначает как «перенос» качеств. И именно потому, что для Солженицына нации — это «живейшие образования, доступные всем нравственным чувствам»³, он может с болью констатировать: «Мы сейчас создаём жестокое, зверское, преступное общество» — и призывать: «Мы должны строить Россию *нравственную* — или уж никакую, тогда и всё равно»⁴.

В разгар описания такого переноса ценностей, который «вполне естественен для религиозного взгляда», но в то же время «легко и естественно ожидается» людьми «и без религиозной опоры», Солженицын прибегает к столь любимому им образу границы, отделяющей добро от зла, той межи, которая пролегает не между народами или партиями и классами и даже не между хорошими и дурными людьми, но в действительности «пересекает сердце каждого человека». Даже когда он распространяет характеристики, свойственные отдельному человеку, на уровень целой нации, это не ведёт к противопоставлению достойных и плохих народов. Разграничительная линия проходит скорее не между нациями, а внутри каждой из них: «<...> подвижная разделительная черта между добром и злом, она всё время колышется по области сознания нации»⁵.

Солженицын разбирает такой перенос этических суждений в одной из своих самых значительных статей — «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни». Ключевые темы этой работы становятся центральными и в истории Зины, в свою очередь оказываясь легкоприменимыми и к истории России в целом. Любовь, перенесённую на уровень нации, Солженицын именует патриотизмом. Для него это громкое слово означает «цельное и настойчивое чувство любви к своей нации», которое прежде всего предполагает необходимость быть «откровенным в оценке пороков, грехов и в раскаянии за них». А когда любви оказывается недостаточно, то и для народа, как и для отдельной личности, наступает время раскаяния. «Мистически спаянная в общности вины, нация направлена и к неизбежности общего раскаяния». Первая из двух

главных тем статьи естественным образом приводит ко второй: «После раскаяния и при отказе от насилия выдвигается как самый естественный принцип — самоограничение»⁶. Ограничение себя позволяет расцвести любви. Фигура Зины и становится примером того, как любовь и раскаяние идут рука об руку, а её история — мостом, связующим важнейшую публицистическую статью Солженицына с его главным художественным трудом.

Впервые Зинаида Алтанская появляется в главах 16 и 17 «Октября Шестнадцатого» — как образ, возникающий в памяти её бывшего гимназического учителя, Фёдора Дмитриевича Ковынёва. (Прототипом этого персонажа послужил Фёдор Крюков, писатель из казаков, которого многие исследователи, включая Солженицына и Роя Медведева, считали автором книги, которую впоследствии присвоил Михаил Шолохов в качестве своего «Тихого Дона».) В поезде Ковынёв рассказывает соседу по купе историю своего шестилетнего романа с девушкой на двадцать лет его моложе, которая с милой непосредственностью соединяла в себе поразительную пронизательность и юношеское нахальство. Зина пеняла ему за слепое следование интеллектуальной моде и подшучивала над его «мышинным почерком»⁷. В конце концов поняв, что у них с Фёдором нет будущего, Зина вступила в короткую связь с женатым мужчиной и забеременела. Находясь в положении, она вынуждена была пропустить похороны собственной матери. Тайно родив ребенка, Женю, своего «Типуленьку», она живёт одна, у неё пропадает молоко, и тут она пишет Фёдору, ища у него утешения и признаваясь, что «в Бога-утешителя не верую» (9; 202). Находясь от неё на безопасном расстоянии, Фёдор ей отвечает с искренним чувством, а потом, когда в своих поездках оказывается неподалеку, приглашает её приехать к нему. В порыве чувств Зина решает, и тут происходит нечто ужасное: её мальчик умирает. Меж тем она с жаром уверяет Фёдора, что его любовь к ней будет становиться всё сильнее и сильнее. В испуге он лжёт ей: «<...> у меня есть другая» (9; 205). Собеседник сочувственно принимает мелочные оправдания Фёдора, но в то же время женщина эта его «поразила». «Такие — бывают? И если ещё и с ребёнком чужим — и так бы притягивала?» (9; 206). Этим случайным попутчиком Фёдора был полковник Георгий Воротынцев.

Воротынцев не просто самый значительный из вымышленных персонажей «Красного Колеса», он ещё и чрезвычайно многообещающая фигура. В «Августе Четырнадцатого» он сочетает в себе внутреннюю стойкость традиции (и это роднит его с благородным образом генерала Самсонова) с трезвой открытостью миру современного человека (и этим кардинально отличается от трагической фигуры Самсонова). Он обладает достаточной интуицией, чтобы давать неплохие советы и военачальникам, и политическим вождям. Окажись в России достаточное количество Воротынцевых, XX век мог бы стать для неё и мирным, и плодотворным. Он воплощает собой тот тип достойного человека и прирождённого лидера, в котором Россия так нуждалась в смутном октябре шестнадцатого года. Но, подобно Зине, Георгий тоже испытывает

серьёзные проблемы в личной жизни: он ввязался в одурманивающую связь с историком Ольдой Андозерской, которую считали «самой умной женщиной Петербурга» (9; 287). Бегство от жены для героя становится в миниатюре неким аналогом пренебрежения своей страной. Один из лучших её сынов утрачивает внутренний стержень.

Георгий Воротынцев и Зинаида Алтанская никогда не встретятся друг с другом непосредственно — и в то же время в «Октябре Шестнадцатого» они составляют наиболее значимую пару. Неслучайно Солженицын отводит каждому из них по одной из двух последних глав своего произведения. В главе 74 жена Георгия Алина пишет ему, что, ради того чтобы выжить, она должна уйти от него. Зная, насколько она зависима от него, Воротынцев мог попробовать отговорить её от этого разрушительного порыва. Мог, но не стал и стараться. «Свобода! Свобода! — ликовало в нём вопреки разуму, как же он этого ждал!» (10; 508). Бескорыстное чувство долга тут же уступает место эгоистичному потворству собственным страстям. В «Раскаянии и самоограничении...» Солженицын размышляет об опасности «идеала неограниченной свободы», а именно к нему и устремляется Воротынцев, отвергая его альтернативу, которую Солженицын описывает как «христианское определение свободы: свобода — это самостеснение! самостеснение — ради других!»⁸. В «Августе Четырнадцатого» Воротынцев уже доказал величие своей души. И этот внутренний положительный стержень вновь возобладает, когда мы встретимся с ним последний раз, в конце «Апреля Семнадцатого», когда он организует офицерское сопротивление революционным беспорядкам. Но в «Октябре Шестнадцатого» его нравственное чувство идёт на спад как раз в тот момент, когда Россия отчаянно и неотложно нуждается в таком человеке. Граница между добром и злом пролегает и через его душу. Для того чтобы понять, как возвышающее человека самоограничение парадоксальным образом вырастает из покаяния, нам потребуется глава 75, в которой перед нами предстаёт симметричный и в то же время противостоящий Георгию образ Зины.

И Дэвид Волш, и Дэниэл Махони подчёркивали христианский подтекст «Октября Шестнадцатого», и эмоциональная кульминация, наступающая в его заключительной главе, дополнительно убеждает в том, что это — самое христианское по сути произведение Солженицына. Здесь для развёртывания Зининой истории нам уже не нужен в роли посредника Фёдор Ковынёв; теперь в самые потаённые глубины её бытия непосредственно проникает всеведущий рассказчик, и его описание полно подлинного лиризма. Непереносимая боль недавно пережитого вернулась, и жалит её «уколами сразу вся цепь». Она думает о своём только что погребённом младенце, Жене; о его отце: «какой слабый мужчина». И тут же о любовнике: «А разве Фёдор не слаб?» Всего тремя неделями ранее они, «беспутные», предавались пустой неге, и она, по просьбе Фёдора, «прохаживалась нагая, а он лежал на диване и теми же зелёными глазами скользил» — и даже тогда «низменны показались собственные восторги,

всё обман, всё муть», пробудив в конце концов в ней чувство «отвращения». Мыслями она снова возвращается к Жене: от него, от её Типуленьки ничего не осталось. «Ни фотографии. Никогда никому не покажешь» (10; 516). Шесть месяцев прожил, «а теперь — пустота! Другим человеком, другим ребёнком не заполнится, не пройдётсЯ никем! — этого существа никогда уже на земле не будет» (10; 517). И вот эта всего лишившаяся, ни во что не верящая молодая женщина, погружённая в думы о своём сыне, бесцельно бродит по городу, пока не оказывается перед церковью. «Смерть сына так неожиданно и просто ввела в церковь, куда никогда не долгали пути всей юности. И так, будто всю жизнь и ходила» (10; 518). В церковь она попадает, пойдя на «бледный свет» её окон. В предыдущей главе Воротынцев тоже заметил свет в распахнутых дверях церкви, но после минутного колебания прошёл мимо.

«Слабый свет» церковных окон предназначен «для больной души» (10; 521), даже для той, что ещё не готова к покаянию. В церковь тянутся и другие люди. Совсем недавно Зина виделась с местным священником, о. Алонием, «таким доброжелательным, простонародно-основательным, широкоплечим», и воспоминание об этой встрече оставалось в глубинах её сознания на протяжении всего того времени, когда она оставалась наедине с «бедствиями и режущими камнями» (10; 518) своих страданий. Теперь ей уже попросту никак не миновать церкви. «А — куда ей?» Уж точно «не возвращаться же. Только — не одной к себе» (10; 521). Когда его брак рушится, Воротынцев старается сохранить свою самодостаточность — и потому предпочитает церкви холодную пустоту здания почты, где он надеется получить письмо от своей возлюбленной. Расхожей максимой стали слова Сартра: «Ад — это другие». Зина идёт в храм — где как раз и собираются эти другие. Она признаётся в своих грехах другому человеку, священнику. Вся суть христианской службы заключена в идее сообщества: ты становишься сопричастен и Господу, и окружающим тебя людям. Своим выбором Зинаида отвергает проповедуемую Сартром замкнутость на самом себе.

С самого начала Солженицын описывает Зинино пребывание в церкви так, чтобы её непосредственные ощущения не были заслонены религиозной значимостью происходящего. Ведь смысл богослужения именно в сопричастности, а не в назидательности или увещевании. Зина и раньше «лампады любила», и потому прежде всего её душа оказывается согрета приветливым светом горящих перед иконами свечей. Далее, минуя правый, Богородичный придел, где находилась знаменитая икона Тамбовской Божьей Матери, она проходит в среднюю часть церкви и поднимает глаза вверх к «купольному своду». Он был «как малое круглое небо, <...> всю полукруглость [которого] занимало распростёртое плечное изображение — Бога-Отца в облаках». В лике его «не было неги утешения, но — и выше кары, выше всякой грозности была напряжённость Мировдержателя-Творца». И чей бы взгляд ни столкнулся с «этим заоблачными Очами», тот в этот же миг обретал способность осознать

«не ничтожность свою, но удостоенное же, замышленное место в гармонии». «Нисколько не молясь, и даже не думая ни о чём», Зина ощущает себя пассивной восприимчивой Божественной Воли: она «не прося, не спрашивая, — вбирала» (10; 522). Затем она переводит глаза на икону, на которой был изображён «коричневый лик Спасителя». Перед ней было «вполне человеческое лицо, хотя другого цвета кожи, другой земли». Христу на этой иконе «остро больно, но он не жалуется <...>. Он — сжился с болью как с неизбежностью. И знал разрешенье всех болей. И ей стало легче». Пребывание в храме оказывается насущно необходимым для молодой женщины, всегда сторонившейся церкви. Она пришла сюда «не выбирая, наугад», а теперь «никуда и не хотела» (10; 523). Теперь Зина может двигаться вперёд по пути раскаяния: по дороге для неё новой, но хорошо проторенной веками. Рядом с ней слышится нараспев: «Ибо беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне... Кричу от терзания сердца моего: Господи! пред Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя». И её потрясает мысль: «...тут всё знали ещё до её прихода! — возглашали открыто» (10; 524).

Теперь Зинаида в силах осознать свою греховность и признать, что грех её — тройной. «Нет, четверной. Нет, даже пятерной». И она начинает отсчитывать свои проступки. Она соблазнила женатого мужчину. Она разрушила его семью, настояв, чтобы он признался жене. В-третьих, она бросила умирающую мать. Грех четвёртый — о, этот страшный четвёртый! — она пренебрегла сыном ради любовника. Номер пять... «Вился ещё тут где-то и пятый» (10; 524). Она не ощущает нужды присоединиться к медленно движущейся череде кающихся, тянущейся к священнику для исповеди. В церкви ей стало легче, и она может вполне обойтись без формальных процедур. Но о. Алоний мыслит иначе. Приметив издали Зину, он «поманил — и ждал <...> и звал». И она подумала «уж если пришла!» и «пошла, незадуманно, незагаданно» (10; 525). Этим полным отсутствием собственной инициативы героини Солженицын намеренно подчёркивает, что в отношениях людей со священным миром первотолчок всегда исходит из Божественной сферы. Следуя указаниям о. Алония, Зинаида склоняет голову, лбом прикасаясь к переплёту Евангелия, с распятием по правую руку. Священника она не видит: тот высится над ней, но не задаёт ей вопросов, а просто ждёт. В этот раз свои грехи она перечисляет вслух. Назвав четвёртый: «Я — младенца покинула... для свидания» (10; 527), женщина теряет в догадках: что священник, который прежде её «так жалел», теперь о ней подумает. Не услышав от него ни слова, Зина внезапно понимает «о незримом нависающем священнике: он — и не исповедует. Она — не ему исповедовалась! Он — только нужный свидетель». И вот в конце концов она смогла осознать и выговорить и пятый свой грех: «шесть лет о нём и опять о нём». Фёдор! Она всё ещё думает о нём. «Сама обуглена, а вьётся неупускаемо, огненной змейкой: ещё зародить! от него — зародить!» (10; 528). Разрываясь между желанием забеременеть от любимого и боязнью стать всецело зависимой от него, Зинаида, ещё недавно

отвергавшая Господа-Утешителя, теперь взывает к нему: «О, Боже, помоги! Ты видишь, я выбраться хочу!» И вот, коленопреклонённая, она «там и сникла, виском о распятие, исчерпав свои малые силы, одночеловеческие» (10; 529).

И тут, сквозь ткань, наброшенную ей на голову, она ощущает, как пастырь осеняет её знаком креста.

«И голос — необыденный, способный вскинуться за тысячу грудей под купол, молить, страдать, каяться, — а сейчас негромкий, для неё одной, но и со всем тем подкупольным значением:

— Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами своего человеколюбия <...> да простит ти, чадо, вся согрешения твоя».

Отец Алоний, мысля себя лишь «недостойным иереем», тем не менее чувствует за собой право произнести: «прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих...» От всех ли? «Однако — был же и вопрос у неё». Но, увидев «взгляд его прямой», она проникается уверенностью: «<...> он понял вопрос её, понял, не скрывал» (10; 529). Священник наклоняет её голову вниз, заставляя поцеловать сначала Евангелие, а затем распятие. «С непроливаемой влагой смотрели глаза отца Алония». Ему и не нужно было отвечать на её «неостывшийся вопрос». Да, её разрешили и от пятого греха, простили и все ещё горящую в груди незаконную любовь к Фёдору. Но всё же «она ждала, вскинутая, ещё отдельное что-то для себя». И тогда о. Алоний в ответ на невысказанную нужду Зинаиды сказал ей: «В каждого из нас заложено таинство большее, чем мы предполагаем. И в общении с Богом доступно нам его разглядеть. Научись молиться. Истинно, ты сможешь» (10; 530).

И завершает «Октябрь Шестнадцатого» неожиданный гимн любви из уст о. Алония: «Как велеть тебе “не люби”, если сказал Христос: ничего нет выше любви. И не исключил любви — никакой» (10; 530). Это успокаивающее, чуть ли не пасторальное прославление любви звучит необычайно сильно. Оправданно ли оно с религиозной точки зрения? Или о. Алоний походя оправдывает внебрачную связь? Можно утверждать, что глава 75 «Октября Шестнадцатого» заключает в себе наиболее значительное у Солженицына художественное изображение христианской веры, и тогда подобная неосмотрительность подвергла бы серьёзному сомнению глубинный смысл всего произведения. Автор вводит нас в мир христианства, тщательно и достоверно описывая, шаг за шагом, одно из важнейших его таинств — исповедь, и делает это с огромным чувством внутреннего достоинства и такта. Данные слова он вкладывает в уста того, кто осуществляет этот сокровенный обряд, и не от своего лица, но в качестве Божьего посредника. И потому невозможно представить, чтобы глубоко верующий и знающий автор в кульминационный момент этой религиозной картины представил впадающим в ересь доселе безупречного пастыря. Так что утверждение о. Алония не только уместно с художественной точки зрения, но и никак не противоречит основам веры. Более того, оно нас отсылает к Новому Завету.

Однако источником для финальных слов о. Алония не являются, как можно было бы подумать, письма апостола Павла. Священник категорически заявляет: «<...> не исключил любви — никакой», и фраза эта приемлет любовь всякую, без ограничений, оттенков и нюансов. 13-я глава I Послания к Коринфянам — одна из самых потрясающих частей Нового Завета, говорящих о любви, — устроена совсем по-другому. Будучи преисполнена искреннего чувства, риторика Павла, тем не менее, аналитична по своей природе: он выстраивает схемы, группирует, разграничивает и классифицирует. У любви есть положительные стороны: долготерпение и доброта, но у неё есть и контрастные противоположности: она не должна завидовать, превозноситься, раздражаться, замысливать дурное. Любовь «не радуется неправде» (отрицательный полюс), а «сорадуется истине» (положительный полюс). Общее утверждение, что любовь никогда не прекратится, влечёт за собой перечисление вещей, которые, напротив, преходящи: пророчества смолкнут, языки пресекутся, знание исчезнет. Есть три добродетели, обычно именуемые христианскими: вера, надежда и любовь; именно в таком порядке их называет апостол Павел, и величайшей из них является любовь.

У нас есть все основания полагать, что о. Алоний чтит апостола Павла и помнит этот потрясающий текст о любви, но его внутреннюю логику он не перенимает. Апостол Павел как будто берёт в руки некую вещь и рассматривает её с разных сторон. Напротив, для священника феномен любви целостен и неделим, и, утверждая это, он наследует риторике не Павла, а св. Иоанна, писавшего: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16). Иногда говорят, что Павел — любимый апостол протестантов, католики предпочитают Петра, а православные — Иоанна. Безусловно, слова о. Алония о том, что Христос «не исключил любви — никакой», созвучны универсальному и всеобъемлющему подходу св. Иоанна. Точно так же в его готовности принять любовь реальную угадывается призыв Иоанна: «Возлюбленные! будем любить друг друга <...>» (1 Ин. 4: 7). Там, где Павел абстрактно-рационален, Иоанн конкретен и практичен. Священник вполне может сослаться на авторитет Павла, знатока и толкователя вероучения, на своих уроках Закона Божьего. Но в исповедальне о. Алонию необходим Иоанн, пастырь, водитель стада Божьего. Тут он может обойтись без тонких и искусных разграничений, дабы твёрдо, без особых проволочек ободрить того, кто после исповеди вернётся в мир, дабы действовать там и отвечать за последствия своих поступков. Здесь уместны именно слова Иоанна: «Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога» (1 Ин. 3: 9). Искушённый ум готов воспротивиться. Дети Божьи не грешат, просто не способны согрешить? Получается, св. Иоанна столь притягивает идеал святости, что он попросту отказывается рассматривать всё, этому идеалу хоть в чём-то не соответствующее. Вовсе нет, ибо ранее в своём послании он уже определил важные для него понятия, и этого достаточно. «Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не со-

грешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника <...>» (1 Ин. 2: 1). Как легко опереться на св. Иоанна! Он был одним из любимейших учеников Христа, и его мысль — лучшее свидетельство того, что простые слова суть самые действенные: «Бог есть любовь».

Опыт, пережитый Зиной, и его уроки приобретают универсальную значимость. Всё, что претерпела Россия в 1910-е годы, можно представить как историю любви и ненависти к своей стране. На первом месте в списке ненавистников у Солженицына значится Ленин. Он призывает своих единомышленников: «В каждой стране — возбуждение ненависти к своему правительству! Только такая работа может считаться социалистической...» (9; 483). Самый знаменитый деятель XX века в изображении Солженицына предстаёт человеком, который был «призван повлиять на ход истории» (10; 115), но при этом чутьё его оказывалось далеко не безошибочным, раз уж он позволял себе утверждать, что «Швейцария — центр мировой революции сегодня!!!» (9; 495). Однако от прочих претендентов на лидерство в революционном движении Ленина отличала сила его ненависти, ему была свойственна «дикая, нетерпимая узость раскольника» (10; 172). Интеллектуалы-либералы, тоже не любящие ни Россию, ни её веру, стали виной тому, что олицетворяемое ими кадетство, по меткому замечанию Ольды Андозерской, стало «не только партия... Это — резкость и отравка, разлитая по всему русскому воздуху» (9; 370).

На страницах «Октября Шестнадцатого» появляется и немало тех, кто искренне любит Россию. Но все они, в той или иной степени, заражены нерешительностью. Один подлинный лидер — Пётр Столыпин был убит. Дмитрий Шипов и Александр Гучков изо всех сил стараются продолжить его дело, но их усилий не хватает. Произведение Солженицына — это прежде всего рассказ о том, как патриоты оказались не способны остановить накатывающую революцию. Их внутренний потенциал и истоки их неудачи были собраны воедино и воплощены автором в наиболее значимом вымышленном персонаже его художественной исторической эпопеи — в полковнике Воротынцеве. Некогда это был рождающийся на наших глазах новый Столыпин. Но к предпоследней главе «Октябре Шестнадцатого» ореол славы рассеялся. На время.

И тем не менее уже в следующей, 75-й главе возникает фигура блудной дочери, за которой встаёт Матушка-Россия. Это Зина. И вновь, даже в момент жесточайшего слома, последствия которого ощутят на себе многие поколения, в финале этого произведения Солженицына звучит нотка надежды. «Красное Колесо» было написано историком, но не любителем древностей, написано не ради прошлого, но во имя будущего. Не зря каждый день его автор произносил свою «Молитву о России»:

Отче наш Всемилостивый!
Россиюшку Твою многострадную
не покинь в ошеломлении нынешнем,

В её израненности, обнищании
и в смутности духа.
Господи Вседержитель!
Не дай ей, не дай пресечься:
не стать больше быть.
Сколько прямодушных сердец
и сколько талантов
Ты поселил в русских людях.
Не дай им загинуть, погрузиться во тьму, —
не послуживши во имя Твоё!
Из глубин Беды —
вызови народ свой неукладный (1; 571).

Прославленный фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» оканчивается фразой: «Зачем нужна дорога, если она не ведёт к храму?» В «Октябре Шестнадцатого» Воротынцев дорогой ошибся, а Зина выбрала правильный путь. Пойдя по нему, можно отыскать подлинный смысл всего «Красного Колеса». Однако такой всеобъемлющий труд — совсем другая задача, и решать её не мне и не сейчас.

Примечания

¹ Перевод с англ. Н. Гринцера.

² Пер. Г. Кружкова.

³ См.: Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни (1973) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 49, 51, 53.

⁴ См.: Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // Там же. С. 695, 702.

⁵ См.: Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Там же. С. 50, 52, 54.

⁶ См. там же. С. 57, 64, 79.

⁷ См.: Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2007. Т. 9. С. 197. Далее цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁸ Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Указ. изд. С. 80.